

Зимой десятого года правления Хуанпин в Великой Шэн, в Цзиньлине выпал снег, какого не видели сто лет.

Небо было затянуто тучами, земля погрузилась во мрак, и всё вокруг было белым.

В Императорском кабинете было тепло благодаря системе подогрева пола. В углу зала стоял изящный курильщик, в котором горел амбровый ладан. Тёплый дымок поднимался в воздух, а зимозветы, которые только что сменили служанки, распустились особенно свежо и красиво. Аромат цветов смешивался с дымом ладана, создавая особенно свежий и сладкий запах.

Снаружи тихо падал снег, а внутри зала царила полная тишина.

Се Цяо держал в левой руке ручную грелку, обёрнутую шёлком Шу, и, опираясь на правую руку, лежащую на столе, дремал. Перед ним на столе лежал военный доклад, помеченный красной кистью. На фронте шли ожесточённые бои, доклады поступали часто, и он уже несколько ночей не спал, под глазами были тёмные круги. Сейчас он наконец сдался.

Министры, участвовавшие в обсуждении, только что ушли, главный евнух, управляющий делами, тоже вышел. Служанки и евнухи не осмеливались его разбудить, лишь осторожно накрыли его кашемировым одеялом, чтобы император не простудился.

— Ва...

Главный евнух Сюй Лай вошёл в зал и, увидев эту сцену, тут же замолчал. Он махнул рукой, и следовавшие за ним маленькие евнухи вошли один за другим, осторожно поставили принесённую еду на маленький столик, а затем, согнувшись, молча вышли из зала.

Сюй Лай посмотрел на тонкий конверт в руке, на котором была прикреплена куриная перо, символизирующая срочность. Письмо пришло с Северной заставы, где ситуация была критической, и сейчас его должен был прочесть сам император. Хотя он жалел молодого императора, который в последние дни сильно устал, он всё же подошёл и слегка коснулся его плеча.

— Ваше Величество? Ваше Величество?

Се Цяо вдруг открыл глаза, и в них засветились ясные и глубокие зрачки.

— Ваше Величество, — с почтением произнёс Сюй Лай, протягивая письмо. — С Северной заставы снова пришло письмо. Я велел кухне приготовить немного еды. Вы ещё не пообедали, может, сначала поедите, а потом прочтёте?

Се Цяо не ответил, лишь потирая виски, взял письмо из рук Сюй Лая.

В конверте было два письма. Прочитав одно, Се Цяо на лице появилась явная радость. Сюй Лай, наблюдая за этим, догадался, что на Северной заставе одержали победу, и в его глазах тоже появилась радость. Он уже думал, как поздравить императора с этой радостью.

Но тут Сюй Лай увидел, что, прочитав вторую страницу, лицо Се Цяо вдруг похолодело, словно радость, которая только что была на лице императора, была иллюзией.

Се Цяо держал в руках тонкий лист бумаги, его костлявые пальцы слегка дрожали. Его зрачки сузились, под глазами были тёмные круги, а веки покраснели. На лице читались ужас и недоверие, словно это письмо было злым духом, пришедшим забрать его жизнь.

Он резко встал, с размаху смахнул всё со стола. Лампы, чашки, доклады — всё с грохотом упало на пол. Сюй Лай тут же упал на колени, служанки и евнухи, дрожа, последовали его примеру.

— Я не верю!

Се Цяо с силой швырнул ручную грелку на пол, и она, покотившись, остановилась у двери. Никто не осмелился её поднять.

— Где Чжэн Фэй? Где Чжэн Фэй?! Пусть он явится сюда! Сюй Лай! Пусть Чжэн Фэй явится сюда!

Сюй Лай служил Се Цяо семь лет и никогда не видел его в таком состоянии. Он сглотнул и дрожащим голосом ответил:

— Ва... Ваше Величество, вы забыли? Вы... вы отправили Чжэн Фэя вместе с генералом Чэнь Лином на Северную заставу для надзора за войсками...

Се Цяо опрокинул стол:

— Пусть он вернётся! Пусть они все вернуться!

Се Цяо, охваченный яростью и измученный бессонницей, почувствовал, как перед глазами потемнело, и упал на пол. Его рука задела столик, еда рассыпалась, и чашка горячего куриного супа пролилась на его руку. Горячий суп пропитал ткань, вызывая пронзительную боль.

— Ваше Величество! Срочно вызовите врача!

Сюй Лай, не обращая внимания на всё остальное, бросился ему на помощь. Но обычно сдержанный и невозмутимый император схватил его за рукав, его лицо исказилось от боли, на

лбу выступили вены:

— Сюй Лай, ты знаешь? На Северной заставе одержали великую победу, Лу Цзюэ вернул шесть округов Яньгуань, которые наша Великая Шэн потеряла почти сто лет назад!

— Ваше Величество... — на лице Сюй Лая появился испуг. Это была великая радость, это было событие, которое должно было праздновать всё государство, но император...

Видя странное состояние императора, Сюй Лай почувствовал холод в сердце и приказал служанкам и евнухам:

— Выйдите все. Когда придёт врач, пусть ждёт за дверью.

— Слушаюсь. — Служанки и евнухи, не поднимая голов, поспешно вышли и закрыли дверь.

— Но... — Се Цяо крепко сжимал рукав Сюй Лая, и на его лице вдруг появилась безумная и странная улыбка. — Они убили Лу Цзюэ... Лу Цзюэ не погиб от рук врага, он погиб от предательской стрелы! Он погиб от рук генерала нашей Великой Шэн!

Каждое слово было пронизано болью.

Сюй Лай вздрогнул:

— Ва... Ваше Величество...

— Они убили Лу Цзюэ! И ещё пришли ко мне за наградой! Сюй Лай! Они убили Лу Цзюэ и ещё просят у меня награды!

— Сюй Лай! Это я отправил их туда! Это я... но я только хотел, чтобы они разделили заслуги Лу Цзюэ, я не хотел, чтобы они его убивали, я не хотел!

— Ваше Величество... — Сюй Лай, покрытый холодным потом, не мог ничего сказать. Он лишь изо всех сил поддерживал императора, чтобы тот не упал.

— Я не верю! — Се Цяо резко встал, его тело дрогнуло, но он удержался и, шатаясь, пошёл к двери, бормоча:

— Они наверняка обманывают меня, Лу Цзюэ не может умереть... Его жизнь принадлежит мне, я не позволю ему умереть... Я император, он должен слушаться меня, должен слушаться меня... Я пойду и спрошу его...

Красные двери зала были прямо перед ним, и Се Цяо чувствовал, что, стоит ему открыть их, он увидит Лу Цзюэ в полном военном облачении, с высоко завязанными чёрными волосами, с изысканными чертами лица, стоящим, как нефритовая сосна, среди белоснежного снега, заставляющего взглянуть на него и запомнить навсегда.

Он протянул руку, но почувствовал, что дверь, которая была так близко, становится всё дальше и всё более размытой. Наконец, всё вокруг погрузилось в бесконечную тьму, и он, шатаясь, упал на пол.

— Ваше Величество! — Сюй Лай бросился к императору, поддерживая его, и крикнул наружу:

— Вызовите врача! Срочно вызовите врача!

...

В глубокой, казалось бы, бездонной тьме Се Цяо увидел сон.

Это было за день до того, как Лу Цзюэ отправился на Северную заставу. Он не пошёл в военный лагерь для проверки войск, а пришёл во дворец.

Тогда ещё было жаркое лето, двор был утопающим в зелени, воздух наполнял аромат лотоса. В Цзиньлине только что закончился сезон тополиного пуха.

— Ваш слуга Лу Цзюэ приветствует Ваше Величество.

Лу Цзюэ, хоть и был опытным генералом, обладающим огромной властью, когда снимал военный мундир и надевал красный придворный наряд, выглядел как изысканный учёный.

— Любимый министр Лу? — Се Цяо, прищурившись, оглядел его с головы до ног, прежде чем заговорить. — Завтра ты отправляешься в поход, а сегодня пришёл во дворец. Что случилось?

Это был явный вопрос, на который он знал ответ.

Лу Цзюэ, склонившись в поклоне, напоминал изящную нефритовую сосну, слегка согнутую ветром. Он сказал:

— Министр Лу просто высказал своё мнение прямо, вы не должны были сажать его в тюрьму.

— Он, будучи чиновником, осмелился вмешиваться в мои личные дела, мне это надоело, и я, естественно, должен был преподать ему урок. — Се Цяо, играя с нефритовым диском в руках, произнёс это небрежно.

— Какой урок Ваше Величество хочет преподать министру Лу?

Се Цяо, глядя на опущенные глаза Лу Цзюэ, представил, как на его лице уже появились лёгкие морщинки, и легко выдохнул два слова:

— Казнить.

Лу Цзюэ резко поднял голову, его звёздные глаза наполнились изумлением и непониманием. Он снова опустил голову:

— Ваше Величество, император — это владыка всего мира, и у него не может быть личных дел. То, что сказал министр Лу, не является вмешательством в ваши личные дела. Вы не должны так поступать с верным советником.

— Покойный император тоже не хотел бы, чтобы вы так поступали.

Се Цяо сузил глаза, его слегка приподнятые губы сжались в прямую линию. Он резко встал, подошёл к Лу Цзюэ и, глядя на него, сказал:

— Любимый министр, ты так скучаешь по временам моего старшего брата?

Лу Цзюэ не посмотрел на него, по-прежнему опустив глаза, и сказал:

— Прошу Ваше Величество освободить министра Лу.

Се Цяо подошёл к нему вплотную. Лу Цзюэ, всё ещё склонившись в поклоне, оказался ниже. Се Цяо поднял бровь:

— Лу Цзюэ, ты обладаешь огромной властью, ты влияешь на всё в стране, а теперь ты ещё и оказываешь на меня давление. Ты хочешь стать Ван Маном? Или, может, Дун Чжо или Цао Цао?

Лу Цзюэ резко поднял голову, его тело дрогнуло, в глазах мелькнуло замешательство, а затем — печальный свет:

— Ваше Величество, вы всё это время так думали обо мне?

Он, глядя в ясные глаза Се Цяо, произнёс каждое слово отчётливо.

Когда печаль рассеялась, в глазах Лу Цзюэ вспыхнул яркий, почти ослепляющий огонь, наполненный гневом. Он сделал шаг вперёд, схватил Се Цяо за подбородок и, пристально

глядя в его глаза, произнёс каждое слово с ледяной резкостью:

— Цяо, ты — император, которого я воспитал своими руками. Посмотри мне в глаза и скажи: ты позволишь Ван Ману отнять у тебя трон? Ты позволишь себе оказаться под контролем Дун Чжо или Цао Цао, стать никчёмной марионеткой?!

<http://bllate.org/book/15506/1377232>